
ИМПЕРСКИЙ СЫСК

От Евгения Сухова

Таежная месть

ЕВГЕНИЙ СУХОВ
Таежная месть

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Таежная месть / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-87586-3

С некоторых пор в окрестностях таежного поселка стали пропадать люди. Случайно найденные обезображенные трупы некоторых из них наводят на местных жителей ужас. Неужели это дело рук человека? Но егерь Тимофей уверен: это работа медведя-людоеда. На зверя организуются облавы, но хищнику каждый раз удается уйти. После очередной засады, убив медведицу, напавшую на охотника, егерь приносит в дом живой трофей, медвежонок Машку, и поселяет его вместе с другими медвежатами, живущими в его вольере. К Машке очень привязывается медвежонок Антошка. Случай помогает им бежать в лес. Спустя некоторое время количество жертв начинает расти. Тимофей догадывается, кто всему виной, и «вызывает огонь на себя»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87586-3

© Сухов Е. Е., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Сухов

Таежная месть

© Сухов Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

Глава 1

Фотографии на столе

На моем письменном столе, сколоченном из дубовых гладко струганных досок, стояли две любительские фотографии, запечатлевшие небольшие, но весьма яркие сюжеты дикого леса. На первой фотографии в изящной ореховой светло-желтой рамке была заснята колоритная крупная полярная сова, сидевшая на сучковатой еловой ветке и с интересом глядевшая прямо перед собой. Снимок удачный: на птице было видно каждое перышко. Белый цвет чередовался с черным узором, огромные выразительные глаза с желтой радужкой, будто бы две застывшие планеты, выразительно и очень вдумчиво посматривали на каждого, кто хотел полюбоваться птицей. К совам у меня особое отношение. Я люблю этих птиц – и за мистическую тайну взгляда, и за неслышный полет в темноте, мгновениями мелькавший в лунном сиянии.

Фотография совы стала для меня личным домовым, охраняющим очаг и его хозяина. Когда следовало принять какое-то важное решение, я посматривал на сову, как если бы хотел заручиться ее поддержкой.

Другой снимок запечатлел человека и медведя в смертельной схватке. Нужно было отдать должное хладнокровию неизвестного фотографа, сумевшего уловить критический момент. Хотя, быть может, в эту секунду в его руках должна была находиться не любительская фотокамера, а безотказный карабин. Снимок был старый, доставшийся мне от отца, отчаянного охотника-медвежатника.

Снимали где-то в начале апреля, что было видно по тощему телу зверя, совершенно недавно выбравшегося из берлоги и стремившегося побыстрее нагулять жирок. В отдалении можно было рассмотреть высокие ели, спускавшиеся с пологого склона к небольшому ручью. Ранней весной медведь наиболее голоден. В этот период он не брезгует ни случайной полевой мышью, ни насекомыми, выбравшимися из земли на теплое солнышко, голод глушит природный страх даже перед человеком, и зверь может напасть на охотника.

Медведь был огромным, не менее трех с половиной метров. Поднявшись на задние лапы и открыв широко пасть, зверь двигался прямо на человека, бесстрашно стоявшего с оружием на расстоянии двух метров. Следовало отдать должное хладнокровию безымянного охотника – он чуток выставил вперед правую ногу, а ствол карабина направил точно в голову зверя, – держался таким образом, как если бы находился не перед матерым зверем, изготовившимся к смертельной атаке, а в городском тире у неподвижной мишени.

Судьба отважного охотника мне была неизвестна. Шансы не угодить под когтистую лапу хозяина тайги у него были минимальные. Известны случаи, когда зверь, буквально напичканный свинцом, справлялся с опытными охотниками и потом спокойно умирал рядом с растерзанной жертвой. И в этом случае могло произойти нечто подобное.

Судя по поведению охотника, тот был весьма опытным медвежатником, а потому даже не предпринимал попыток как-то уклониться от встречи с медведем, осознавая, что любое лишнее действие может привести к печальному исходу. И очень хотелось верить, что смелый человек оказался победителем в этом поединке.

В этот раз я просто обязан был посмотреть на обе фотографии: на сову как своеобразный тотем, приносящий мне удачу, и на медведя с открытой оскаленной пастью.

Так уж получилось, что из множества профессий мне досталась профессия егеря. Хотя я не однажды пытался переиначить предназначенное, даже уехал после окончания школы в город, где поступил на биологический факультет. Это была моя первая отчаянная попытка порвать с потомственным ремеслом. Учеба мне давалась легко, студенческая жизнь тоже захва-

тила всецело, так что к родителям в тайгу я навещался только по большим праздникам. Тогда я всерьез полагал, что прокладываю новую дорожку, по которой, быть может, пойдут мои дети, а то и внуки.

После окончания вуза я некоторое время колебался, чем же мне в итоге заняться: научной работой, которая представлялась мне более интересной, или педагогической. После некоторого внутреннего противоборства выбрал второе. Но, поучительствував некоторое время, я все же решил вернуться в тайгу, которая, как мне показалось, очень ждала меня все это время.

Мой путь вне тайги больше напоминал трудную дорогу форели, которая три года плавает по морям и океанам, чтобы потом, вспомнив вкус родного ручья, вернуться к истокам и воспроизвести на свет следующее поколение мальков. А затем, исполнив предначертанное, помереть прямо среди отложенной икры. Вот только, в отличие от форели, для меня это был не конец земного пути, а продолжение прежней таяжной жизни, о которой я знал все.

Что бы там ни было, но кровь предков оказалась сильнее и сумела взять свое – вернувшись в отчий дом, я тотчас устроился егерем, с твердой уверенностью не причинять зверю вреда.

Вернулся в тайгу я не один, а с молодой красивой женой Надеждой, которая сразу полюбилась моим родителям. С ней мы учились вместе на одном факультете, так что наши дороги пересекались не однажды, потом прогулки по паркам переросли в нечто большее, под названием любовь. На последнем курсе я вдруг понял, что не могу без нее прожить и дня, и предложил выйти замуж. Вот только положительный ответ получил не сразу, а лишь через год, и время ожидания мне показалось невероятно болезненным.

Свое пребывание в тайге Надя воспринимала как часть научной работы, которой успешно занималась еще на факультете. С очного отделения аспирантуры, после того как вышла замуж, она перевелась на заочное и с тех пор посвящала лесу куда больше времени, чем своему мужу. На что я, естественно, не обижался, мне было просто хорошо потому, что Надя была рядом со мной. Удивительно, но сфера ее интересов была в области изучения крупных таяжных хищников, в том числе и медведей. И поначалу меня вводил в недоумение ее восторг, когда она всматривалась в огромные следы медведей, как если бы речь шла о плюшевых мишках. Так что благодаря ее помощи я знал, какова популяция медведей во вверенном мне районе, а она, судя по количеству медвежат, неуклонно возрастала. А вот хозяина наших мест мне пришлось определять самому, это был десятилетний медведь, которого я прозвал Лешим, весьма большой любитель малины.

А еще через два года Надя вдруг неожиданно уехала в город, сказав, что ей нужно уладить с родителями все семейные дела и разобраться с научной работой.

Не показав своих переживаний, я лишь ответил:

– Если нужно, езжай!

С нашего расставания прошел уже почти год, а Надя так и не появилась. И с некоторых пор я все чаще стал вспоминать нашу совместную жизнь. Для ее отъезда не было никаких предпосылок: жили мы дружно, дело было тоже общее. Тогда мне казалось, что всю оставшуюся жизнь мы проведем вместе, однако действительность часто оказывается куда суровее, чем нам этого хочется. Прождав месяц, поначалу я хотел написать ей серьезное письмо, чтобы она, наконец, определилась со своим выбором, что для нее важнее: семья или работа. А потом, подумав, решил не торопить события, пусть все складывается эволюционным путем. Никаких революций! Так что все прошедшее время мы лишь иногда баловали друг друга письмами, которые всегда были длинными и очень искренними. И в какой-то момент я сумел убедить себя в том, что в настоящее время мне этого достаточно.

С отъездом жены я всецело посвятил себя работе.

Первые два года я ходил по тайге без ружья, имея с собой только охотничий нож (некий романтический период в моей жизни), что, по мнению моих родственников и друзей, было

полнейшим безрассудством. На третий год ситуация резко изменилась: один за другим стали погибать грибники, и их обглоданные тела стали находить даже близ поселка. А это означало одно: в нашем краю появился медведь-людоед. Вот тогда мне пришлось взяться за ружье.

Откуда взялся в наших краях шатун, никто толком сказать не мог. В соседних районах он не давал о себе знать, столкновений с медведем-людоедом также не наблюдалось. Следовательно, он был местный. Бывает, что медведя на людоедство толкает накапывающаяся старость. Обессиленный, истощенный, не способный, как в лучшие годы, догнать и повалить лося, медведь вынужден довольствоваться более доступной добычей: грибником, у которого, кроме лукошка да вот еще небольшого перочинного ножа для резки грибов, вряд ли что отыщется. Отведав однажды человечины, медведь уже более не остановится. Раненый зверь – тоже короткая дорога к людоедству. Обозленный, он начинает мстить всему человечеству сразу и, отведав крови, превращается в опасного людоеда.

На дворе крепчал июнь – время активного спаривания, в этот период медведи наиболее агрессивны. Не исключено, что погибший грибник случайно сделался свидетелем пылкой медвежьей любви, чего обозленные звери ему не простили.

Охотоведы выдвинулись на отстрел шатуна, и в течение последующих суток было убито два медведя, один из которых предположительно был людоедом, а второго, проявившего неожиданную агрессивность, убили на исходе дня.

Но вскоре выяснилось, что жертвы не окончились. Через неделю пропали еще три человека. Если от первых двух, рыбаков, все-таки что-то осталось, от третьего, грибника, нашли только клочья окровавленной одежды и фрагмент черепа. А это означало одно: или охотоведы убили не того медведя, или людоедов было двое и один из них по-прежнему хозяйничает на территории. Так или иначе, следовало быть предельно осторожным. Медведь не успокоится и будет наведываться в окрестности поселка, как на личную кормовую базу.

Такое уже случалось, и не однажды.

До сих пор старожилы рассказывают о том, что произошло лет тридцать тому назад в соседнем районе, в деревне Выселки. Отрезанная от цивилизации тайгой и двумя широкими реками, деревня находилась в полнейшей изоляции от остального мира. Но людям жилось там неплохо, деревенька входила в число перспективных: край богат рыбой и зверьем, в каждом доме были сплошь охотники и рыбаки, а потому молодежь разбегаться не собиралась. В положенный срок обзаводилась семьями и продолжала жить по своим традициям, что были завещаны дедами: закинуть ружьишко за плечо – и в лес! Мясо и шкуры продавали перекупщикам, наведывавшимся в их края раз в неделю. Так что денег хватало, чтобы отдохнуть на «большой земле» и съездить к родне. Но неожиданно в окрестности объявился медведь-людоед и только за один год задрал восемь охотников.

Охотоведы, прибывшие из райцентра на отстрел медведя, разыскать шатуна так и не смогли. Зверь оказался невероятно хитрым, проворным: умело убегал от погони, обходил многочисленные ловушки и засады. Пробовали его ловить на приманку. Притащили как-то из деревни падшую лошадь, положили ее на тропу, где он обычно проходит, и устроили засаду. Но людоед напал на охотников из-за спины и, задрав сразу троих, ушел.

Пытались затравить лайками, обученными охоте на медведей, но шатун, совершенно их не опасаясь, вскоре передал всю стаю. Медведю-людоеду объявили настоящую войну, решено было загнать его на равнину, где зверь будет просматриваться со всех сторон. Во время загона было уничтожено пять медведей, один из которых, по предположению охотоведов, должен был быть тот самый шатун. Охотоведы уехали как победители, но уже через две недели медведь-людоед вновь объявился в Выселках: разобрав дымоход, он проник в жилую избу, где растерзал древних старика со старухой.

Молодежь, оставшаяся в деревне, установила дежурство, но в ту же ночь медведь задрал двадцатипятилетнего парня, предварительно расколотив его карабин. Вскоре медведь нашел

медведицу, с которой неизменно навевывался в деревушку, а когда у них появилось трое медвежат, то в деревню они стали приходить на прокорм целым семейством.

Сговорившись, деревенские собрали нехитрый скарб на телеги и навсегда съехали с проклятого места. С тех самых пор в Выселках никто не жил, и прежде крепкие дома обветшали и осыпались. Если кого и можно было найти в этой деревушке, так это дикое зверье, считавшее теперь эту часть района своим домом.

Так что история знает немало случаев, когда медведь-людоед способен держать в страхе всю округу.

* * *

Смеркалось, я вышел на крыльцо.

В вольере, отгороженном от остальной части двора металлическим забором, баловались трое забавных медвежат. Двое, с темно-рыжей лоснящейся шерстью, были одногодками, весьма милые мохнатые создания, каких нередко можно увидеть на новогодних открытках, а третий – пестун. Он был на год постарше, посолиднее, имел чуть более светлый окрас, и я в шутку прозвал его Антошкой. Было в нем что-то от деревенского увальня. Нередко можно было увидеть, как пестун, обремененный обязанностями няньки, дает непосадам за непослушание крепкого шлепка. Так что в воспитании медвежат он меня очень здорово выручал.

Медвежат я нашел в лесу подле убитой браконьерами медведицы. Возможно, столь же незавидная участь постигла бы и ее приплод, если бы я не пришел на выстрелы. Браконьеры, заслышав звук приближающейся машины, оставили тушу медведицы неразделанной и укатили быстро на своем дорожном внедорожнике. Когда я подъехал, медвежата стояли возле труп матери и, высоко задрав лохматые головы, тихо поскуливали. Мне их было откровенно жаль. Осиротевших медвежат я забрал к себе на заимку, определив в недавно построенный вольер, понимая, что в дикой природе у них практически нет шансов выжить: если их не раздерут волки, охочие до молодого жирного медвежьего мяса, так непременно полакомится родитель. С тех самых пор они проживали в моем вольере, и теперь я им был и за мамку, и за папку, а еще успевал пожурить, как это делает старший, но справедливый дядька.

С медвежатами у меня сложились весьма теплые взаимоотношения, насколько они могут быть у зверя и человека. Веселые, шаловливые, склонные ко всевозможным играм и суетливой беготне, медвежата вызывали умиление у всякого, кто за ними наблюдал. Я не являлся исключением, а потому баловал их, как мог, угощая сахаром, а то и сгущенкой, до которой они были особенно охочи.

Но особенно нравился мне пестун Антошка. Рос он весьма сообразительным малым и через несколько дней проживания в вольере уже охотно откликался на свою кличку, за что неизменно получал дополнительное вознаграждение. У каждого из медвежат был свой характер: младшие были покладистыми, резвыми, любили играючи задира друг друга. А пестун выглядел поспокойнее, помудрее что ли, взгляд у него был пристальный, исподлобья. И все-таки в нем прятались какие-то неразгаданные бесы, никогда нельзя было понять, что он выкинет в следующую секунду: не то примется ластиться, выпрашивая кусок сахара, не то играючи захочет вцепиться зубами в сапог. Глаза у него были черные и большие, в них пряталась какая-то невероятная затаенная хитрость.

В этот раз пестун был чем-то встревожен, во всяком случае прежде мне не приходилось слышать столь раскатистые интонации в его рычании. Медвежата, прижавшись к нему боками, тихонько попискивали. Что же могло их так напугать?

Вернувшись в дом, я снял с крючка ружье и вышел на улицу. Ни шороха, ни вскрика, только медвежата с прижатыми ушами забились в угол вольера, как если бы хотели отыскать спасение от какой-то неведомой напасти.

Приблизившись к вольеру, я увидел, что медвежата сильно дрожали, вжавшись в землю. Стараясь не шуметь и взяв ружье на изготовку, я осторожно обошел вольер и увидел у металлических прутьев отпечатки широких медвежьих лап, которые могли принадлежать огромному матерому самцу. Некоторое время косолапый топтался около прутьев, даже вставал на задние лапы, пытаясь рассмотреть запрятавшихся за будку медвежат, а потом попытался обойти вольер. Вряд ли это был чадолюбивый родитель, явившийся в охотничий домик лишь затем, чтобы пустить слезу умиления и поглазеть на своих запропастившихся отпрысков. Скорее всего, это был безжалостный и матерый хищник, решивший полакомиться нежным мясом. И только крепко устроенный вольер и близкое присутствие человека спасло медвежат от гибели.

Я прошел вдоль ограды по шагам медведя еще метров двадцать и увидел глубокую яму: не сумев расшатать металлическую ограду, он попытался сделать под нее подкоп, чтобы добраться до медвежат. Однако его намерениям помешали глубоко врытые металлические колья.

А что если это тот самый медведь-людоед, которого мы ищем? Когда медведь охотится за человеком, под его огромным тяжелым телом не треснет даже сухая ветка и он всегда нападает неожиданно, не оставляя возможности для ответного удара. От дурного предчувствия по спине невольно пробежали мурашки и рассеялись где-то на затылке. Возможно, в эту самую минуту за мной наблюдает матерый зверь, и я невольно обернулся, почувствовав его тяжелый взгляд. Вокруг никого не было, только хвойная тайга, да вот еще попискивали медвежата, напуганные появлением гостя.

Медвежата уже окончательно успокоились и, затеяв свалку, тихо урчали, привлекая к себе внимание.

Прозвучала рация. Нажав на кнопку, ответил:

– Прием. Слушаю тебя, Аркаша.

– Тимофей, – услышал я задорный голос своего приятеля Аркадия, с которым дружил с самого детства. Меня вот как-то судьба успела побросать по России, а он продолжал проживать в поселке безвыездно. И у меня было подозрение, что дальше районного центра он никуда вообще не уезжал. – Ты не забыл?

– Нет, не забыл. Ты уже на месте?

– Да.

– Я подойду где-то через час. Нужно завершить кое-какие дела.

– А что такое? – обеспокоенно спросил Аркадий.

– Похоже, что ко мне гость таежный наведется.

– Это кто же это?

– Медведь...

– Вот как, гость нередкий. И что же ему было нужно?

– Хотел вольер с медвежатами разорить.

– Ну дела!

– Афанасий уже подошел?

– Скоро тоже подойдет, так что мы тебя ждем, давай поторапливайся.

У нас с Аркадием были собственные соображения по поводу медведя-людоеда, он должен был прятаться где-то в дремучей тайге и выходить на промысел с наступлением рассвета. Скорее всего, это был немощный медведь, почти старик. И даже странно, что его не порвал более сильный соперник.

Лежку одного такого медведя мне удалось выследить. Теперь я знал тропы, по которым он передвигается. На одну из них мы притащили падшую корову, миновать которую он не сумеет. Неподалеку в кроне деревьев устроили засаду: так что шатун будет виден нам еще издалека, как на ладони.

Но, несмотря на немощность медведя, приходилось иметь дело с сильным и безжалостным таежным зверем, против которого должно быть серьезное оружие. Возможно, что где-то в средней полосе России на медведя можно пойти с гладкоствольным ружьем – он там поменьше и невероятно пуганный, но здесь, в глухой тайге, подойдет только нарезное. Топтыгин здесь суров, ошибок не прощает, и уж если нажал на спусковой крючок, так должен быть уверен, что пуля попадет точно в двадцатисантиметровый кружок, туда, где у него находится сердце.

Так что от правила, принятого таежными охотниками, я никогда не отходил и использовал двуствольное нарезное ружье, каковых в моем охотничьем хозяйстве было два. Но предпочтение я отдавал болтовому карабину, который в экстремальных условиях всегда понадежнее.

Засыпав проделанный подкоп, я покормил медвежат мясом косули, побаловал спелыми крупными яблоками, после чего потопал в тайгу к месту засады. Вышел загодя, чтобы в сгустившихся сумерках не натолкнуться на медведя, но чем дальше я уходил в лес, тем тяжелее становился мрак. Краски в лесу вскоре поблекли, а трава с цветами, еще какой-то час назад радовавшими взор многоцветьем, как-то вдруг сразу придавленные темнотой, посерели.

Тайга, лишенная указателей, выглядела в темноте абсолютно одинаковой, однако, повинаясь какому-то врожденному чутью, запрятанному глубоко в меня, я шел точно по прямой, к месту засидки, не отклоняясь даже на метр, совершенно не удивляясь собственной прозорливости. Под подошвами похрустывали сухие ветки, едва нарушавшие тишину, а между деревьями, дырявя мрак, порой появлялась злобная огненная искра заходящего солнца. После чего вновь с удвоенной силой наваливалась темень.

К условленному месту я подошел минут через сорок. Длинным неясным бугром недалеко у поваленной сосны просматривалась падшая корова, чей тлетворный запах широко разносился по всей лощине порывами ветра. Медведю против такого соблазна устоять будет сложно. На краю поляны, в широких ветвях могучей липы, где-то на высоте шести метров от земли, был устроен надежный лабаз, с которого приметно просматривалась коровья туша. На засидке, в глубокой тени ветвей, буквально слившейся с черной корой дерева, скрывался Аркадий. Неслышно, лишь слегка прошуршав в траве, к основанию ствола длиннющей змеей скатилась веревочная лестница. Потянув ее на себя, я попробовал на прочность, после чего полез к лабазу.

Аркадий был один, что меня крепко озадачило. Афанасия не было.

– А где Фома? – невольно удивившись, спросил я.

– Я сам у тебя хотел спросить, – отозвался Аркаша. – Мы с ним разделились, он пошел другой дорогой. Капканы на зайцев хотел проверить, а потом сразу сюда должен был подойти. Я подумал, может, он к тебе пошел?

Внутри неприятным червячком шевельнулась тревога.

– Мы с ним не встретились.

– Хм, это на него не похоже, – озадаченно протянул Аркаша.

– Может, он попозже подойдет? Мало ли? Решил немного поплутать, в лесу тоже полно дел!

– Не будем бить тревогу раньше времени. Что с ним будет? Афоня знает тайгу, как собственный двор.

Это было правдой. Выросший в тайге и не любивший город за его суетливость, Афанасий чувствовал себя среди местных луговин и пойм, в залесенных оврагах, глухих вырубках куда более комфортно, чем иной обыватель перед телевизором на мягком кожаном диване с бутылкой пива в руках. Так что Афоня вряд ли заплутал, просто организовал лабаз в другом месте, позабыв нас предупредить об этом.

Через ветви примятой травы виднелась корова, выставив на обозрение раздувшийся белый живот. До нее было не более полусотни метров, вполне достаточное расстояние для

убойного выстрела. У зверя не было ни единого шанса на спасение, если палить из двух винтовок, так что оставалось только набраться должного терпения.

Время тянулось мучительно медленно, а налетевшие со всей тайги комары просто не давали спасу. Я уже давно определил нехитрую закономерность: чем крупнее медведь, тем дольше ожидание. Чаще всего хозяин тайги являлся в глухую ночь совершенно неожиданно, будто выросшая из ночи тень, и для охотника, утомленного продолжительным ожиданием, представлял внезапно.

Так произошло и в этот раз.

Перед самым рассветом, когда рассеивающаяся мгла дала возможность рассмотреть четкие очертания падшего животного, густой черной тенью на поляну вышел медведь. Задрвав высоко хищную морду, он принялся принюхиваться, как если бы хотел почувствовать сразу все запахи леса, а потом осторожно, будто бы пробуя земную твердь на прочность, сделал шаг по направлению к корове. Прошелся вокруг нее, как будто бы примеривался, с какого бока сподручнее рвать тушу, и крепко ударил лапой по вздувшемуся животу.

Медведь стоял боком, весьма удобное положение для смертельного выстрела. Даже медвежий череп вряд ли выдержит тридцатимиллиметровый калибр. У такой пули имеется все необходимое, чтобы поразить наповал самое крупное животное: убойная сила и отличное останавливающее действие. Второго выстрела даже не понадобится.

Аркадий, сняв карабин с предохранителя, изготовился для меткого выстрела. От небытия медведя отделяло только мгновение. В оптический прицел я увидел крупного матерого зверя, каковой не часто балует своим появлением даже такую глухую местность, как наша, изрезанную оврагами и буреломами. Он являлся порождением первобытных моховых болот, лежащих в самом сердце тайги, и приходил из замшелости лишь затем, чтобы подивить бывалого охотника своими впечатляющими размерами.

Неожиданно медведь сделал то, чего от него не ожидали: поднялся на задние лапы, вытянувшись во весь свой гигантский рост, и принялся когтями драть еловую кору, помечая обретенную территорию. Ему здесь понравилось, следовательно, бывший хозяин этих мест или должен обратиться подобру-поздорову, или вступить с гигантом в смертельную схватку. Именно эта непредсказуемость спасла медведя от смертельного выстрела – Аркадий вдруг опустил ружье и принялся с удивлением рассматривать зверя.

До нас доносился скрежет раздираемых древесных волокон. Зверь продолжал раздирать дерево, как если бы издаваемые звуки приносили ему невероятное наслаждение, в какой-то момент медведь даже зажмурился, увлеченный звуками. С его черной морды прямо на мохнатую бурую шерсть длинно стекали слюни.

Встав на четвереньки, медведь сделал пружинистый шаг в сторону туши и одним ударом тяжелой лапы разодрал бок корове. Аркадий уверенно вскинул карабин, и прежде, чем он нажал на курок, я громко свистнул, напугав животное. Медведь в огромном броске прыгнул за деревья, под его лапами громко затрещал валежник, ахнул поваленный сухостой. Запоздало прозвучал выстрел, бухнувший где-то в расщелине, и Аркадий, повернув ко мне презлые, с сибирским прищуром глаза, проговорил:

– На хрена тебе это было нужно?! Ну вот скажи мне, зачем ты его спугнул! Ведь с одного выстрела можно было завалить!

– Ты же знаешь, что это был не он. Этот медведь очень огромный, такие в наши края редко заходят, а рядом с убитыми охотниками были следы поменьше.

– Я был там! Там следов полно было, и все разные! – кипятился Аркаша.

– Все так, но мне думается, что охотников загрызла медведица.

– И что с того, что медведица? – с вызовом отозвался Аркадий. – Много ты на своем веку таких огромных медведей видел? – и, восприняв мое молчание по-своему, добавил со значением: – Вот то-то и оно! И я раза два-три всего... А этот вообще красавец! Одна шкура

чего стоит! Шкуру бы содрали, городским пижонам продали, а потом бы на эти деньги могли месяц водку жрать.

– Пойдем, посмотрим, что это был за зверь. А заодно и Фому поищем, что-то на душе неспокойно.

Закинув карабины за спины, спустились и подошли к дереву, на котором медведь оставил когтями метки. Они оказались на уровне четырех с половиной метров, так что с его размерами при желании он мог заглянуть в окно второго этажа.

Аркадий продолжал сокрушаться:

– Такой зверь ушел! Просто не медведь, а подарок судьбы! Больше мне никогда такой не встретится.

– Не переживай, еще увидишь. Все-таки в тайге живешь. А, судя по всему, этот медведь пришел сюда надолго.

Аркадий лишь сокрушенно качал головой. Уважительно посмотрев на оставленные когтями длинные царапины, произнес:

– Таких царапин ножом даже не сделаешь, а он когтями за несколько секунд. Настоящий леший!

Понемногу рассветало. Воздух становился все более прозрачным. Темнота постепенно выпускала из плена хвойный лес и давала возможность заглянуть за горизонт с высокого каменистого косогора. За рекой, вывернувшись в замысловатую петлю, багровела глухая тайга, на кронах которой заночевал белесый дымок.

– Пойдем, Аркаша... Фома оттуда должен будет подойти.

– Жалко корову просто так оставлять, – вздохнул Аркадий, – столько сил было потрачено, чтобы в такую глухомань ее приволочь.

– Нашел о чем жалеть, – отвечал я, невольно усмехнувшись. – Надеюсь, ты ее есть не собрался?

– Найдутся желающие... Полакомятся!

– Это точно! Хотя бы наш прежний с тобой знакомый... Этот медведь пришел сюда надолго, зря что ли он метки на дереве ставил, теперь такие царапины повсюду будут.

– Ты думаешь, он вернется?

– А то как же! Вот отдышится малость, переведет дух, покумекает над своей бесталанной судьбой, проголодается как следует и опять вернется к обеденному столу.

– Значит, мы с ним еще встретимся. Так что эта его шкура никуда от меня не денется.

– А вот этого делать не нужно, – строго произнес я. – Этот медведь не людоед. И опасности для людей не представляет. А чужаков на своей территории, в том числе шатунов, не потерпит! И если таковой появится, так он тотчас его порвет. Так что его нужно оберегать.

– В твоих словах есть резон, – задумавшись, согласился Аркаша.

– Как ты его назвал, Леший? А хорошее прозвище для медведя. Пойдем, посмотрим, куда там Фома запропастился.

– А может быть, он принял на грудь. Лежит себе в теплой хате и дрыхнет в обе сопелки, а мы его по всей тайге ищем. Если это так, то точно ему нахлобучу!

* * *

Прошли километра два в высокой траве, прежде чем вышли к небольшому глубокому оврагу, изрезанному шумным ручьем с многочисленными, столь говорливыми протоками. Подле небольшого каменистого распадка мы увидели крупную медведицу с тремя медвежатами. Двое старших медвежат были двухгодовалыми, значительно крупнее самой большой собаки, а вот младший, сеголеток, значительно уступал в росте старшим и нетерпеливо терся о бока матери. Негромко попискивая, матуха, склонившись к земле, что-то яростно выгрызала

в густой примятой траве. И, только всмотревшись, можно было увидеть, что на земле лежит разодранное человеческое тело. Медведица трепала зубами какой-то цветной лоскут, и я тотчас узнал в нем шапку Фомы. Взрослые медвежата, склонившись, также остервенело рвали мертвое тело, вгрызались мордами в человеческую плоть. Матуха громко урчала, испытывая самые положительные ощущения, покрывая обильным слюновыделением мертвое тело Фомы.

– Ах вы, твари!

Я невольно глянул на ахнувшего Аркадия. Его лицо, в былые времена образец спокойствия и сосредоточенности, в этот раз было перекошено смесью гнева и ужаса.

Видно, нечто подобное произошло и с моим лицом, стыдливо отвернувшись, Аркаша мгновенно вскинул к плечу винтовку. Мои руки также привычно ухватились за ложе и приклад карабина. Два выстрела слились в один. Подбитая медведица рухнула на стоптанную траву, выбросив перед собой передние лапы. Медвежата, услышав выстрелы, бросились вниз по ручью, пытаясь затеряться в высокой траве. Спрятаться им было негде, с десятиметровой высоты мохнатые рыже-буроватые спины смотрелись едва ли не вызывающе. Следующие два выстрела прозвучали с разницей в одну секунду, и на земле распластались два медвежонка. Третий, самый маленький, длинно рыча, пытался запрятаться в колючий бурелом. Но упругие еловые ветки не поддаваясь, упрямо выталкивали медвежонка наружу. Его темная голова оказалась в прицеле, указательный палец уверенно опустился на спусковой крючок...

– Не стреляй! – в отчаянии закричал Аркадий.

– Ты чего? – удивленно посмотрел я на приятеля.

– Он же совсем малой!

– А ты не видел, что делал этот малой с бедным Фомой? – И, не дождавшись ответа, пояснил: – Он жрал его вместе с остальными!

– Да брось, Тимоха, – примирительно произнес Аркаша, – ты же сам прекрасно видел, что он его не жрал, а просто бегал рядом.

– Ты хочешь сказать, что этот медведь вегетарианец? Аркаша, не о том ты сейчас говоришь, сам ведь знаешь, что бывает с медведями, если они хотя бы однажды попробуют человеческое мясо, пусть даже в малолетстве! – укорил я друга. – Они никогда не забудут его вкус и на всю жизнь останутся людоедами!

– Этот медвежонок не ел человека! – продолжал настаивать на своем Аркадий. – Я отвечаю за свои слова.

Не опуская винтовку, я все еще целился в голову медвежонку, который, не ведая об опасности, продолжал протискиваться в густой валежник.

– Он мог жрать человека до этого, например рыбака. Мы этого просто не видели!

– Послушай, Тимоха, давай договоримся, ты не дал мне убить того крупного самца, а я не хочу, чтобы ты застрелил медвежонка. Вот теперь мы с тобой в расчете! Договорились?

В какие-то моменты Аркадий бывал чрезвычайно упрямым. Вряд ли отыщутся аргументы, способные переубедить его в обратном. Решение он уже принял. Сейчас был как раз тот самый случай.

– Хорошо, – не без труда согласился я, опустив карабин. – Пусть будет по-твоему. Заберем медвежонка и отдадим его в зоопарк. Только там ему место.

Спустились в расщелину, к месту, где на примятой траве лежало растерзанное и залитое кровью тело Фомы. Его можно было опознать разве что по обрывкам одежды, которую он непременно надевал в тайгу: крепкие армейские ботинки с толстой подошвой, способные выдержать любые испытания; защитного цвета штаны и крепкая куртка цвета хаки. Изжеванная мокрая фуражка с длинным козырьком лежала немного в стороне. От головы мало что осталось, череп был раздроблен, а мозги тщательно вылизаны. Ноги согнуты в коленях и обглоданы до самых костей.

За время работы егерем мне приходилось видеть всякое: вмерзшие в грунт тела людей, заблудившихся в тайге; останки охотников, растерзанных стаей волков; приходилось сталкиваться с разбросанными по тайге человеческими костями. Вроде бы что еще должно было удивить меня, закаленного столь ужасными находками? Но смерть Фомы потрясла меня до глубины души. Может быть, потому, что Фома был моим другом, которого я знал с самого детства и с которым не однажды ходил на охоту.

Казалось бы, что подобная участь должна была обойти его стороной. Ведь на его стороне было все! Он был опытным потомственным охотником, какие даже среди профессионалов встречаются нечасто. Тайгу любил, искренне считал ее своим домом, в котором для него просто не существовало секретов. Значит, все-таки какая-то одна маленькая тайна оставалась, иначе сейчас он был бы жив...

Что же случилось с ним?

Излишняя самонадеянность, за которую он отдал столь высокую цену, или черная судьба, которая нередко ходит по пятам даже самых опытных охотников? Теперь уже этого никто не скажет.

Не выдержав ужасного зрелища, я отвернулся. С трудом верилось, что эта растерзанная окровавленная плоть каких-то несколько часов назад была сильным, волевым человеком, способным радоваться жизни, смеяться, грустить, любить, обнимать жену и ласкать детей, человеком, которого я когда-то очень хорошо знал.

– Вот, твари! – глухо произнес Аркаша, склонившись над трупом. – Они ведь у него все мозги подъели!

За последние полгода в округе обнаружилось несколько изодранных трупов, у которых медведи лакомились мозгом. Некоторое время считали, что это был небольшой медведь-людоед, поджидавший подле селений свою жертву, но вот когда возле одного из трупов обнаружили следы медвежат, то стало ясно – это была сильная и матерая матуха, прикармливавшая свой приплод человечинной. А значит, через какое-то время уже подросшие медведи примутся поступать точно так же, как и их родительница. Эту преемственность следовало вырвать на корню. Двое медвежат, успевших полакомиться человеком, теперь лежали в траве с высунутыми языками и простреленными черепами. Третий, совсем малой, забился в ворох сухих сучьев и, кажется, искренне верил, что оставался невидимым для охотников.

Странно было другое, медведи практически никогда не выедали мозг, предпочитали рвать плоть, выгрызали кости. Раздерут, задавят, погрызут, после чего, прикопав в земле и придавив поваленным деревом, чтобы не растащили падальщики, терпеливо дожидаются тления, а потом вернутся и продолжат прерванную трапезу.

Здесь же было все не так! Все не по правилам!

Оставалось предположить, что к такому пиршеству медведица была кем-то приучена. Ведь не сразу же она принялась лакомиться человеческими мозгами, следовательно, ее кто-то этому научил, привил вкус, а потом она сама стала поступать точно так же, как и ее наставник. Возможно, что этим воспитателем была ее родительница, а может, столь необычной трапезе ее научил самец в период спаривания.

– Теперь она уже никого не будет есть.

Медведица лежала, вытянувшись во всю длину. Из раскрытой пасти вывалился язык, и оставалось удивляться его невообразимой длине. Я подошел к валежнику и, откинув сучья, выудил из глубины за шкуру медвежонка, негодуяще заурчавшего. От бессильной ярости он извивался, пытался вырваться, проявлял нешуточную агрессию и всерьез пытался дотянуться до меня когтистыми лапами.

– А это, оказывается, медведица!

– А ты сразу разве не понял? – заулыбался Аркадий. – Посмотри, какой у нее сволочной характер. Едва вылупилась, а уже на мужиков голос повышает. И как тебе такая питомица в твой вольер? Возьмешься за воспитание?

– Возьмусь, – согласился я.

– Как назовешь?

– Машкой будет!

– Почему Машкой? – удивился Аркадий.

– Помнишь у нас в поселке Машка жила. Вся из себя фифочка такая. У нее тоже сволочной характер был.

– Кажется, ты был к ней неравнодушен.

– Помню, что измывалась надо мной. Вот это было! Кстати, все забываю спросить, а где она сейчас?

– После школы уехала в город, училась где-то в техникуме. Там познакомилась с каким-то парнем. Вышла за него замуж. Приезжала как-то с дочерью...

– Изменилась?

– Не особенно, – пожал плечами Аркадий. – А насчет характера ты прав, сволочной у нее был характер! А что будешь с медвежонком делать?

– Пускай пока поживет у меня в вольере, а там определюсь. Может, в зоопарк передам... Фому нужно везти в поселок, не оставлять же его здесь.

– А как же прокурор? – обескураженно спросил Аркаша.

– А что тебе прокурор?

– Спрашивать будут, почему тело перенесли.

– Пока сюда все эти прокуроры приедут, от тела ничего не останется, звери его просто по кускам растащат!

– А если прикопать и уйти? – несмело предложил Аркадий.

– Не по-христиански как-то человека в лесу одного бросать... А потом от медведей все равно не спасти. Раскопают и сожрут!

Аркадий кивнул, соглашаясь.

– Это верно.

– Сделаем вот что, давай вырежем у медведей желудки и отдадим все это на судмедэкспертизу. Пусть они посмотрят, изучат, что к чему. Поймут, что это не убийство.

Аркадий покачал головой:

– Тут одного взгляда достаточно, чтобы понять, что это не убийство. Какой бы ни был изувер, так он при всем желании не сделает того, что медведь натворил. Вон какие следы от когтей остались, все тело исполосовал до самых внутренностей. Не вурдалак же его какой-то так рвал!

– Не вурдалак, конечно, – согласился я. – Донесем Фому до моей избушки, а дальше отвезем в деревню.

Быстро соорудили носилки, уложили на них Фому (точнее то, что осталось от его большого и сильного тела), сложили в мешок вырезанные медвежьи желудки. Потом я привязал себе к поясу медвежонка, бестолково рвавшегося и пытавшегося освободиться от привязи, и мы затопали обратно.

Ноша была тяжела, и не только в руках! Тяжелее было на душе, а потому мы не однажды останавливались, чтобы передохнуть и, едва справляясь с тягостными ощущениями, уныло брели дальше. Так что, когда мы подошли к моей заимке, солнце поднялось над горизонтом и, будто бы поддразнивая, слепило глаза.

Над деревьями продолжал висеть густой туман, каковой может быть только в тайге, – тяжелый, неопрятный, клубковатый, очень напоминающий застывший в расщелинах дым. Он даже имел какой-то собственный запах, замешанный на болотистых мхах, свежей хвое, слад-

коватой морошке, дикой малине, кедровых орехах, а еще на дыхании леших, кикимор и прочей таежной нечисти, что подсматривала за охотниками из-за каждого поваленного дерева. Сейчас мгла висела над лесом, цепляя острые, словно пики, верхушки темных елей. Пройдет совсем немного времени, солнечные лучи окончательно растопят сгустки парящей влаги, и воздух будет прозрачен и свеж, каковым и положено ему быть в июльскую пору.

Пришли к избе. Медвежата в вольере, видно, почувствовав запах чужой смерти, опасливо сбились в угол, прижав плотнее к голове уши. Самое время, чтобы определить медвежонка, – за то время, что мы брели по тайге, он успел крепко мне поднаесть и даже дважды всерьез вцепился зубами в ногу.

Открыв вольер, я положил в него Машку, вдруг неожиданно зарывавшуюся на притихших медведей. Принюхиваясь, она сделала нерешительный шаг по утоптанной площадке, как если бы пробовала ее на прочность, и, убедившись в твердости, шагнула к медвежатам, насто-роженно взиравшим на гостью. Любопытство оказалось сильнее чувства опасности, крупный медвежонок по кличке Барин вдруг подбежал к Машке и играючи ударил ее лапой, а когда она неловко завалилась на бок, сильными челюстями ухватил ее за горло.

Мне не однажды приходилось наблюдать за медведями в дикой природе, где они предпочитали исключительно одиночество, а если им и доводилось встречаться, так лишь для того, чтобы выяснить отношения. Самцы во время драки поднимаются на задние лапы и бьют когтями противника, кусают его за морду и горло, а, повалив, стараются загрызть насмерть.

Нередко самец смотрит на медведицу как на источник питания. Медвежьи семьи создаются ненадолго, лишь в период спаривания, после чего самка, повинаясь заложенному в нее инстинкту, просто прогоняет самца от себя, понимая, что тот не упустит момента, чтобы полакомиться народившимся дитем. Так что о дружбе между медведями пусть даже противоположных полов говорить не приходится. А потому то, что произошло дальше, совершенно не укладывалось в представления о медведях. Вдруг Антошка, грозно рыча, бросился на Барина и, несмотря на то что тот был чуток постарше и покрупнее, отогнал его от Машки. Некоторое время, сплетаясь в один клубок, они рычали и кусали друг друга, пытаясь выяснить сильнейшего. Машка, проворно отскочив, прижималась к моим ногам и жалобно поскуливала, сотрясаясь всем телом.

– Они же порвут друг друга, – проговорил Аркадий, зашедший следом за мной в вольер. До серьезных увечий тут было далеко, но поцарапать друг друга они могли прилично.

– Нужно их растащить.

Пришлось проявить должную осторожность и немало усилий, чтобы утихомирить рас-свирепевших сорванцов. Даже когда мы растащили медвежат по углам вольера, они недруже-любно поглядывали друг на друга, готовые в любую секунду сцепиться вновь. Тогда мы даже не подозревали, что эту вражду медвежата пронесут через всю жизнь.

Машка, обнюхав в вольере все углы, успела освоиться на новом месте и, кажется, уже была не прочь обзавестись новыми знакомыми.

Я уже давно заметил, что медведи невероятно вспыльчивы, даже порой совершенно не знаешь, по каким именно причинам они могут показать свой суровый нрав, но они так же быстро остывают, позабыв про прежние обиды. Так случилось и на этот раз – все распри были вскоре позабыты, и медвежата ластились к новенькой, приглашая ее принять участие в каких-то своих незамысловатых звериных забавах. Некоторое время я еще стоял в вольере, не без интереса посматривая на их веселые чудачества, а потом, почувствовав себя совершенно лиш-ним, удалился.

Дальше предстояла более сложная задача – добраться до деревни. Но еще тяжелее было объяснение с вдовой. Подходящих слов не находилось. Вряд ли Настя станет голосить, как это сделала бы на ее месте всякая другая женщина, проживающая в городской черте. Не будет ни заламывания рук, ни обвинения в случившемся его сотоварищей. После короткого объяснения

просто замкнется и, стараясь не показать накотившее горе, уйдет в избу, где в одиночестве выплачет вдовью долю. И оттого на сердце было тяжелее вдвойне.

Вот такие они, сибирские женщины, – дочери промысловиков и жены охотников. Смерть в таежных местах всегда ходит рядом; может войти в каждый дом и в любую минуту, а потому к ее внезапной неотвратимости привыкаешь. Воспринимаешь некой данью лесу. И на случившееся есть только одно объяснение: «Забрала тайга», которая в этих местах была не только судьей, но и кормилицей, матерью. А на мать особенно не посерчаешь.

Поначалу хотели отвезти Фому на внедорожнике, но потом вспомнили, что впереди дорогу размыло от дождей, не пробраться, проще везти на телеге, с которой можно пройти любой лес.

Устелили нарубленным лапником телегу, покрыли его тканью и только после этого снесли на него Фому и бережно укрыли с головой одеялом. После чего запрягли застоявшуюся лошадку, флегматично пережевывающую овес.

Вот теперь можно в дорогу. Погода вдруг неожиданно стала портиться. Лес заволокло водяными парами, медленно и неотвратимо спускавшимся с хребта прямо на тайгу. Марь плотной полупрозрачной стеной напознала на чащу, зависла над близлежащими болотами и, окончательно завоевав их, принялась распространяться дальше по перелескам, неровным вырубкам, просекам и охотничьим тропам, окутывая окрестности в свои влажные и липкие одежды.

Далее дорога шла через смешанный лес, рассеченный недавними рубками, и молодой ельничек, колюче произрастающий по обе стороны тропы. Лошадь шла медленно, неохотно, как если бы не желала возвращаться из леса, но понукать ее не полагалось – в повозке покойник, а это скверная примета. А потому лишь иной раз молчком ударяли ее по крутым бокам вожжами и с опаской поглядывали на топь, что обступила по обе стороны узкую дорогу, поросшую зеленым мхом.

Марь выглядела бесконечной, непроходимой, каковой может быть только неутешимая скорбь. Поднялись на горный хребет, выпиравший на самом гребне колючими останцами, и по каменистому склону заколесили к подножию, в основании которого протекала небольшая, но шумная речушка. А вот немного вниз по течению у разлившейся плотины располагалось село. Под колесами телеги ломался щебень, оживляя тайгу сухим перекастистым хрустом. Несколько раз, будто бы подустав от долгой поездки, тело Фомы сползло в сторону – приходилось останавливать телегу, чтобы подправить уже слежавшееся ложе.

– Извини, брат, – говорил в очередной раз Аркадий, вновь укрывая тело спустившимся одеялом.

К вечеру добрались до села, в этот час совершенно безлюдного. Редкие встречные, догадываясь о произошедшем, молча снимали шапки. Лишь однажды к повозке подошел восьмидесятилетний дед Игнат, старый охотник, не однажды царапанный медведем, негромко спросил:

– Неужто Фома?

– Фома, дед, – ответил я.

Старик, скорбя, покачал головой, а потом отвечал вслед удаляющейся повозке:

– Что же это за судьба у людей такая? Сначала медведь его отца задрал, теперь вот и он сам... не уберется. – Привычно перекрестившись на тайгу, как на икону, что стоит в красном углу горницы, горестно заключил: – Вот оно что делается-то. Тяжело вдове будет, четверо ребятшек нужно будет поднимать. – И немного бодрее, чем требовал того случай, продолжил: – Ничего, не дадим пропасть!

Подкатали ко двору Фомы. Скрипнув осями, телега остановилась. Подле ворот, уже зная о произошедшей трагедии, постепенно собирался народ. В глубине двора протяжно скрипнула дверь, и тотчас за оградой повисла напряженная тишина, какая бывает лишь в большую утрату.

Все ждали появления Насти, и она предстала, как и подобает случаю, – во всем черном, будто бы материализовавшаяся скорбь. За длинный подол держались трехлетние близнецы, а мальчишки постарше оставались в избе – переживать в одиночестве горе. Негоже появляться на людях со слезами.

Анастасия спустилась с крыльца и неслышно подошла к телеге.

– Ты бы не смотрела, Настя, его медведь сильно подрал, – попросил я.

На чуть скуластом, с правильными чертами лица, искаженном утратой, ни слезинки.

– Не грехи, – оборвала женщина.

Стало понятно, что спорить с ней нельзя. Приподняв одеяло, вдова некоторое время смотрела на разорванное тело мужа, как если бы хотела убедиться в неправильности случившегося. Не отыскав причин, чтобы ответить «нет», отошла от телеги еще более потяжелевшим шагом.

* * *

Через два дня подъехала следственная группа. Расследование было недолгим. Осмотрев растерзанного Фому, прокурор лишь покачал головой, но даже его, человека стойкого, привыкшего к выездам в дальние поселки, чтобы запротоколировать чью-то криминальную кончину, вид человека, растерзанного медведем, ввел в полное уныние. И только немного позже, переварив увиденное, следователь уточнил:

– А вы других медведей-людоедов не встречали?

Обменявшись с Аркадием взглядами, я отвечал:

– Ничего такого не было. Если что... постарались бы достать. Работа у нас такая.

– Я понимаю... В соседнем районе тоже произошел смертельный случай, и тоже охотник. Вот только там был огромный медведь. Кто его видел, сказали, что ростом он будет около четырех метров. А таких в округе у нас будет немного... Я вот к чему это говорю... Вы бы побереглись, очень боюсь, что это у нас не последний случай.

Аркадий невольно поджал губы, сдерживая вопрос, уже готовый было сорваться с уст. Мне тоже припомнился медведь, метивший на высокой ели огромными когтями завоеванную территорию. Встречаться с ним повторно очень не хотелось.

Для прояснения общей картины следователь опросил меня и Аркадия, а потом, прихватив медвежьи желудки на экспертизу, укатил в районный центр. Через несколько дней выяснилось: матуха крепко подъела Фому, а вместе с ней полакомились человеческим телом и медвежата. Вместе с останками Фомы в желудке медведицы отыскались фрагменты еще двух тел. Кто это был, выяснить так и не удалось. Посельчане в последние недели в тайге не исчезали; геологи, работавшие поблизости, тоже не заявляли о пропаже людей. Очевидно, это были черные старатели, каковых в окрестности было немало. В поисках нечаянного счастья приезжали они на заброшенные рудники едва ли не со всей России. Регистрироваться не спешили, скрывались ото всех, лишь иной раз заглядывали в поселки за продуктами, а потому доподлинно выяснить личности погибших не представлялось возможным.

Глава 2

Медвежий цирк

Прошел год. За это время мой медвежий детсад пополнился еще двумя медведями, так что в общей сложности в вольере пребывало шесть медвежат. Барин и Антошка уже значительно подросли, и в вольере были чем-то вроде воспитателей, никогда не забывая наподдать крепкими лапами расшалившейся малышне. Машка тоже подросла, подобрела, похорошела, превратилась в настоящую красавицу, так что Антошка был от нее просто без ума, не отходил от своей избранницы даже на шаг и всякий раз предупредительно раскрывал клыкастую пасть, если вдруг замечал, что Барин оказывает ей знаки внимания.

Но самым интересным для меня (надеюсь, что для медвежат также) были прогулки по полю. Для медведей я был чем-то вроде родителя, а потому они покорно, прирученными собачонками, следовали за мной, воспринимая тайгу как враждебную территорию. Для поселковых, что видели меня гуляющим по лесу в окружении медведей, такое зрелище представлялось забавным. Если кто-то из моих подопечных отставал или вдруг, увлекшись, подолгу лакомился малиной, коей в наших местах росло превеликое множество, достаточно было лишь короткого неодобрительного свиста, чтобы злополучный медвежонок бежал со всех ног, забыв про все соблазны, спрятанные в высокой траве.

Мне тоже такая прогулка доставляла немало удовольствия, вот только Полкану, здоровенному мудрому кобелю, этакое путешествие виделось полнейшим безобразием, а потому он держался от нашей шумной и веселой компании на некотором расстоянии, лишь иной раз подгоняя поотставшего медвежонка рассерженным рычанием. Мне было весело наблюдать за чудачествами медвежат. И, надо отдать должное, я к ним привязался не меньше, чем они ко мне.

Посельчане, видя меня в такой неожиданной компании, не однажды предупреждали:

– Ты смотри, Тимофей, как бы не сожрали тебя лесные друзья. Ведь и костей не оставят!

Непонятно, чего здесь было больше – незамысловатой шутки или всамделишного опасения.

– Ничего, отобьюсь, – отшучивался я. – А если что не так пойдет, так натравлю на хулиганов Антошку, – показывал я на крупного пестуна. – Он у меня парень крепкий, с характером, не позволит меня обидеть.

Поглядывая на трехлетнего Барина, всего-то немногим уступавшего в росте взрослым медведям, понимал, что не так уж они были далеки от правды.

Антошка с Машкой все время находились вместе. Единственное, что не держались за лапы. Пестун добровольно взвалил на себя роль опекуна, оберегая ее от чересчур назойливых собратьев-ухажеров. Именно в этот период проявлялся его непростой характер: при желании, не считаясь с размерами обидчика, пестун мог крепко его потрепать. Так что Машка чувствовала себя в полнейшей безопасности под усиленным попечительством своего ухажера.

У медвежат в этом возрасте еще не развито чувство пространства, то, что для них было больше вольера, представлялось предельно опасным. И я с легкостью взял на себя роль матушки, подготавливая их к новой жизни, predetermined судьбой.

Именно в таком необычном сообществе заметил меня мой старый знакомый Николай, дрессировщик московского цирка, приезжавший едва ли не каждый год в райцентр к родственникам. Видно, весьма занятно наблюдать со стороны за человеком, гуляющим по тайге в сопровождении шести медвежат, причем половина из которых едва ли не со взрослого медведя.

Веселой гурьбой подошли к реке, куда медвежата, будто бы шаловливая ребятня, сбегали с высокой песчаной кручи. Николай стоял в сторонке и с улыбкой наблюдал за тем, как

трехлетние пестуны веселились в воде с младшими медвежатами, плескались и озоровали, чем мало отличались от бесшабашной деревенской ребятни. Я стоял на галечниковом берегу и терпеливо наблюдал за их чудачествами. Редкие брызги достигали моего лица, принося зябкие ощущения. Медвежата то удалялись на середину реки, где течение было особенно сильным, способным сбить даже крупного медведя, а то вдруг стремительно возвращались к берегу, как бы предлагая и мне поучаствовать в веселой звериной возне. Но я твердо стоял на своем и более не сделал и шагу в сторону воды. Достав папиросу, вдумчиво закурил, посматривая за тем, как звериная малышня колотит мохнатыми лапами по бурлящей воде.

Дрессировщик, симпатичный доброжелательный худощавый мужчина лет тридцати пяти, безо всякого намека на брутальность, вышел из-под тени высокого кедра и подошел ко мне.

Познакомились мы с ним три года назад, когда я отдал в цирк медвежонка по кличке Джон. Зверь был настолько ручной и столь непохожий на своих агрессивных сородичей, что его в пору было выгуливать на поводке, как какую-нибудь домашнюю собачонку. По рассказам дрессировщика, покладистый характер Джона испортился в тот самый момент, когда зверь вдруг оказался под сводами цирка. Вид праздной и шумной толпы его сильно раздражал. Природная агрессия, видно, прятаясь глубоко внутри его мохнатого тела, могла проявиться в самые неподходящие минуты. Однажды он едва не помял акробатку, надумавшую с ним сфотографироваться. Именно после этого случая его решили определить в зоопарк, где, как рассказывали сотрудники, он вволю поедает свежее мясо и даже заметно прибавил в весе. А иногда на потеху публике, собравшейся у его вольера, перекатывался через голову – единственное, что осталось незабытым после суровой дрессировки в московском цирке.

Так что к цирку с некоторым пор отношение у меня было весьма сложное, но мои ощущения совершенно не отразились на наших отношениях с Николаем, с которым у нас нередко заводились предлинные вечерние разговоры за бутылочкой водки.

– Смотрю я на эту идиллию, и просто зависть берет, – признался дрессировщик, подсаживаясь рядом. – Я своих медведей целыми днями дрессирую. Буквально рядом с ними сплю и ем, всю душу в работу вкладываю, а они на меня, как на злодея, смотрят, а ты с ними только на прогулки выходишь, а они в тебе просто души не чают, лучше всякой собачонки за тобой бегают. Тимофей, может, ты секрет какой-то особый знаешь? Так поделись! Как говорится, за ценой не постою!

– Нет у меня никакого секрета, – отмахнулся я. – Медвежата они еще, вот и принимают меня за матуху. Но вот когда подрастут, – я невольно передернул плечами от скверных мыслей, тотчас пришедших на ум, – повстречаться с ними в тайге я бы не пожелал. И тебе не советую...

– О медведях я тоже много знаю... Думаешь, забудут твой кусок хлеба? – с сомнением переспросил Николай, поглядывая за тем, как весело плещутся медвежата.

– И меня забудут, и мой кусок хлеба забудут!

– Вспомнят! – вдруг категорично отвечал Николай. – Чем больше я занимаюсь с медведями, тем больше начинаю осознавать, что они куда умнее, чем мы о них привыкли думать. Мне тут как-то взгрустнулось на днях, с женой немного не поладил...

– Бывает, – посочувствовал я. Вспомнилась Надежда, но это не тот случай, чтобы делиться сокровенным. Очень хотелось верить, что лицо мое в этот момент не изменилось.

– Так вот, в расстроенных чувствах пришел в цирк, вошел в клетку, а мне Топтыгин так по-дружески лапу на плечи положил и в ухо умиротворенно заурчал. Ты можешь смеяться, но знаешь, что мне там послышалось? «Ну чего ты, братец, расстраиваешься, утрясется все! Завтра же помиритесь».

– И что?

– Помирились, как он и предсказывал, – широко заулыбался Николай. – Вот только откуда ему было знать, что на душе у меня скверно? Когда он что-то ласковое мне прорычал, так у меня было такое впечатление, что меня лучший друг утешил. Вот так оно и бывает...

Припомнить нечто похожее я не мог, но если дрессировщик говорил, значит, так оно и было. Он видит медведей с недоступной мне стороны, можно сказать, что с изнанки. И никогда не смотрит на них через оптический прицел карабина. А там они совершенно другие.

– У каждого медведя свой характер. Такие, наверное, тоже встречаются, – неопределенно пожал я плечами. Рассказ меня и вправду немного удивил.

– Я у тебя вот что хотел спросить...

– Спрашивай.

– Можешь ты отдать мне своих медвежат в цирк, пока они не заматерели? Уверен, из них будет толк!

Я невольно нахмурился. Разговор принимал неприятную тональность.

– Знаешь, почему я не люблю цирк?

– Почему? – удивленно спросил Николай, посмотрев на меня с некоторой настороженностью. Прежде таких разговоров мы не заводили. Возможно, что ему тоже не нравится моя профессия егеря, но ведь помалкивает.

– По двум причинам: там медведицы бегают в платьях, а медведи, в полосатых штанах и косоворотках. Это больше похоже на насмешку над сильным зверем.

– И только-то, – хмыкнул Николай раздосадованно. – Да мало ли во что они одеты, главное, чтобы представление публике нравилось.

– Ладно, пойду, – поднялся я с бревна. – У меня хоть и не цирк, но тоже весело, а потом у них ведь режим, нужно медведей покормить.

Не оборачиваясь, я потопал по направлению сторожки, зная, что медвежата, контролировавшие каждое мое движение, уже позабыли про свои водные процедуры и со всех мохнатых лап устремились за мной вдогонку.

– Ты все-таки подумай, – сказал Николай, вставая следом. Расставаться со мной столь быстро не входило в его планы. – Они людям радость приносить будут! А какая вторая причина?

Антошка выскочил немного вперед и уверенно заторопился по направлению к сторожке, а следом за ним, едва поспевая, устремилась Машка, увлекая за собой прочую звериную компанию.

Я повернулся к поотставшему Николаю, тот выглядел малость удрученным, не ожидая столь быстрого прекращения разговора.

– А еще в цирке медведям вырывают клыки и подрезают когти.

Хмыкнув, дрессировщик съязвил:

– Скоро я начну подозревать, что цирк едва ли не худшее место на земле. Ну пойми, без этого никак нельзя, таково правило. Ты же сам сказал: медведь – зверь непредсказуемый!

– Вот сам подумай, какой же это медведь без клыков? – И, не дожидаясь, когда Николай соберется с ответом, заключил: – Вот и я говорю, что не стоит!

* * *

После того краткого разговора я не видел Николая неделю. Желания продолжить беседу у меня не возникало, думаю, что и он избегал со мной встречи. Отпуск его подходил к концу, и ему пора было готовиться в обратную дорогу. И уж тем более я не ожидал, что в следующий раз он явится ко мне на заимку с уговорами. Был вечер.

– Можно? – спросил он, перешагивая порог.

– Проходи, – отозвался я, отставляя в сторону вскипевший чайник. По своей давней привычке заварочного чайника я не держал, просто накладывал пару чайных ложек заварки в кружку, так что получался весьма качественный напиток.

– Чайком угостишь?

– Уговаривать пришел? – спросил я, насыпая ему в кружку заварку.

Николай одобрительно кивнул, заметив необычную щедрость. Похоже, что он тоже был ценителем крепкого напитка.

– Есть такое дело. Правда, не знал, как к тебе подступиться. Могу за медведей хорошие деньги предложить. Чего ты так поморщился? Ты их не за казенный счет все-таки кормишь, а из собственного кармана. Вот в прошлый раз ты про клыки медвежьих говорил, а уж не хочешь ли ты медвежат в тайгу отпустить? Ты же не хуже меня знаешь, что там им не выжить! Их сожрет с потрохами первый же повстречавшийся медведь! А может, думаешь в зоопарк отдать? Только ведь у меня им все равно лучше будет!

– Ничего я не думаю, – буркнул я, – давай лучше выйдем во двор, на звезды посмотрим. Погода хорошая.

– А ты романтик, – широко улыбнулся Николай, забирая у меня жестяную кружку.

– Есть немного.

Вышли во двор – всего-то небольшой кусок огороженной территории, вырванной у тайги, в дальнем конце которого размещался вольер. Медвежата устроили какую-то шумную возню: стучали когтистыми лапами по ограждению, пытались взобраться на высокий столб, что я врыл в самом центре вольера, громыхали металлической посудой. И по своему поведению мало чем отличались от прочей шумной ребятни. Только когда игры превышали разумный предел, доносившись негодующий рокот – неудовольствие выказывал Антошка. Суетливая возня незамедлительно прекращалась, казалось, что даже в лесу от его грозного урчания замирала жизнь, но потом понемногу игра вновь набирала прежнюю силу.

Распалили костер, небольшой дымок тревожной змейкой поднимался к чернеющему небосводу, а сухие ветки стреляли в темноту красными презлыми искрами, как если бы разобиделись на целую вселенную. Снизу журчал ручей, слышимый в ночи особенно отчетливо.

– Знаешь, а может, ты сам пойдешь к нам в цирк со своими медведями? – неожиданно предложил Николай.

– Ты это серьезно? – удивленно посмотрел я на него.

– Вполне! Медведей ты понимаешь. Они тебя тоже слушаются. Я бы даже сказал, что в общении с дикими животными у тебя какой-то природный талант! Ты их просто завораживаешь! Даже не знаю, что ты с ними делаешь, что ты им наговариваешь, но они просто глаз с тебя не сводят, когда ты рядом. Так ты согласен?

Подобного предложения слышать мне еще не доводилось. Я внимательно посмотрел на приятеля (может, что-то не так), но говорил он серьезно, безо всякой иронии, вроде бы не шутил.

– Как-то неожиданно.

– Хорошие перемены к лучшему всегда происходят неожиданно. Поделись со мной, а как ты влияешь на своих медведей?

– Не знаю, это, наверное, природа, все-таки я из потомственных медвежатников, – подбросил я небольшую сухую ветку в огонь. Костер благодарно принял угощение – затрещал, задымился, раздвигая багровым светом темное пространство. Теперь лес не выглядел злоеющим, скорее всего, он казался немножко таинственным, где за каждой корягой мог прятаться леший, а под каждой болотистой кочкой – водяной. Тайга все более наполнялась тревожными ночными звуками – ахнул где-то за сторожкой филин, а ему басовито заухал другой. Где-то в стороне послышался вой быка. Это вполне могла быть скотина, отбившаяся от стада, но точно

так же, проявляя чудеса голосовой имитации, мог прокричать медведь. Тайга хранила немало заповедных тайн. – А еще просто надо любить медведей, вот и все!

– Хороший ответ. Может, мне все-таки удастся тебя уговорить, – припустил Николай в голос просящие интонации.

– Нет. В цирк я точно не пойду.

– Ну что с тобой будешь делать. А медвежат отдашь? Пройдет год, медвежата заматеруют, тогда им прямая дорога в зоопарк.

Неожиданно где-то за избушкой раздался неясный шум: кто-то большой и могучий пробирался через чащу. Еще через несколько секунд шум усилился, подхваченный ветром, стал все более отчетливым и ясным, пока, наконец, не рассыпался на треск сучьев, выстрелы поломанных ветвей и топот. На поляну упал сухостой, и через мгновение мы увидели выскочившего на вырубку огромного лося, подпиравшего широкими рогами круглолицую луну. Только крайние обстоятельства могли выгнать его к людям, да еще на огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.